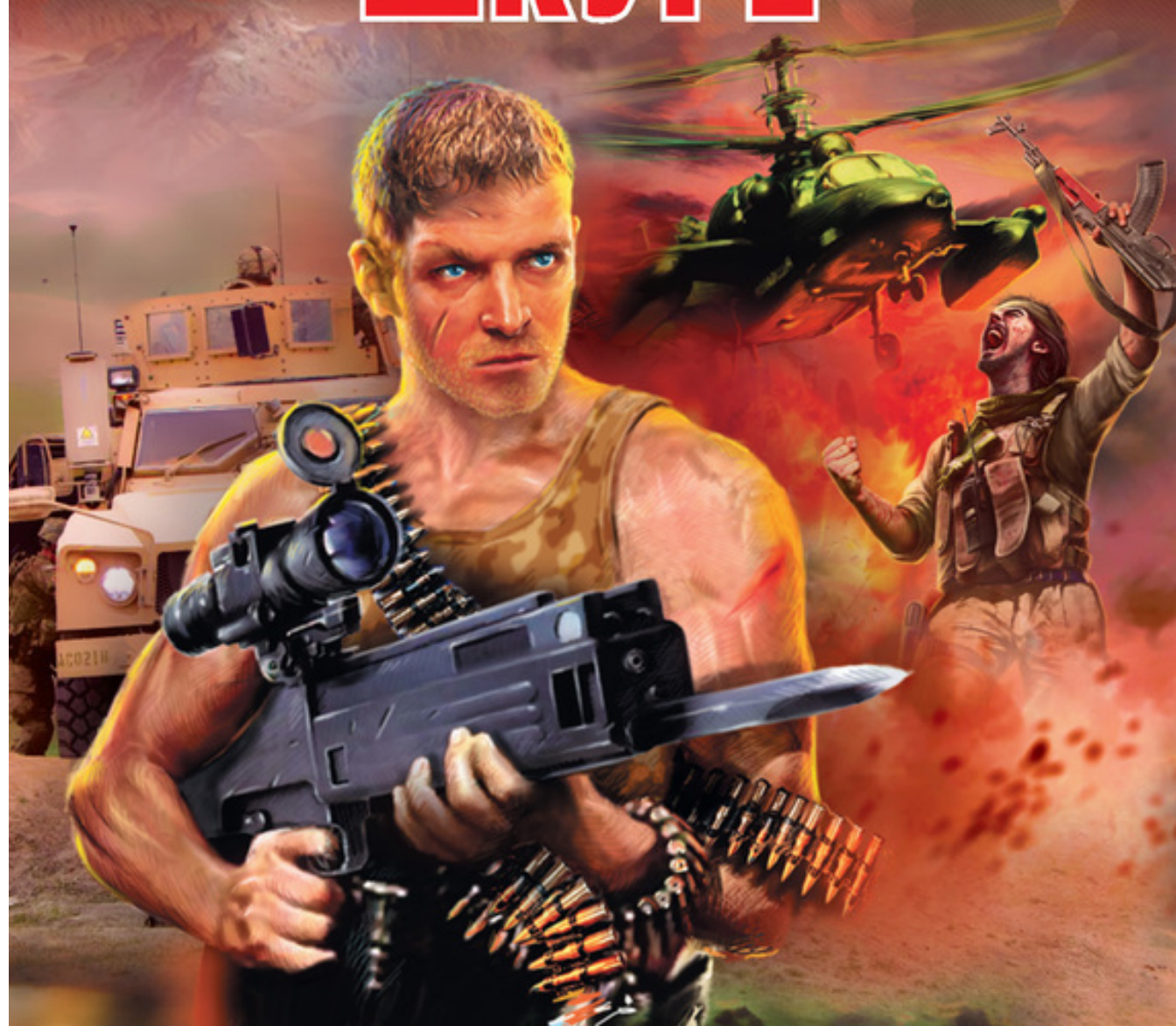

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

**В ВОЛЧЬЕЙ
ШКУРЕ**

Спецназ. Офицеры

Сергей Зверев

В волчьей шкуре

«ЭКСМО»

2014

Зверев С. И.

В волчьей шкуре / С. И. Зверев — «Эксмо», 2014 — (Спецназ. Офицеры)

Старший лейтенант Федор Кулибин собирался на родину: срок его пребывания в Афганистане подошел к концу. За несколько часов до отъезда к нему обратился сотрудник военной разведки и предложил поучаствовать в спецоперации по ликвидации банды Файзуллы – самого жестокого афганского полевого командира. Старлей согласился. Но когда в штабе ему сообщили подробности операции – выдавшему виды боевому офицеру стало не по себе. Оказывается, Кулибин и Файзулла похожи как две капли воды, и старшему лейтенанту придется занять место полевого командира, когда того ликвидируют...

Содержание

Сменщик	6
Уравнение с двумя неизвестными	12
Непонятная игра	18
Двойник	27
Амнезия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

В волчьей шкуре

© Цуприков И., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Сменщик

Тонкая струйка дыма от сигареты поднимается с блюдечка и чуть выше, будто ударяясь обо что-то невидимое, расплзается ровной дымкой, образуя облачко над столом. С чем связано, Федору думать не хочется, чего только не происходит в жизни. Хотя ответ прост: в комнате нет сквозняка. Глубоко вздохнув, Кулибин посмотрел на похрапывающего молодого лейтенанта, раскинувшегося на кровати, и покачал головой.

«Да, вот и подошло твое время к окончанию службы в Афганистане, товарищ гвардии старший лейтенант. Приехал тебя менять вот этот молодой лейтенант, у которого еще все спокойно на душе. Никого не убивал, никого не терял. И испытаний, которые он знает точно, что его здесь ждут, не боится. Да что говорить, в морской пехоте служил, в рязанское училище только со второго раза поступил, но уже с гражданки, после армии. Значит, парень из той породы, кто к своей цели и по гвоздям босиком пойдет, и по горячим углям. Нет, я не из этой колоды».

Выпив оставшуюся в кружке водку, Федор придвинул к себе стопку фотографий, лежащую на краю стола.

Хм, на первой он совсем молодой, хотя сделан снимок ровно два года назад. Он стоит около офицера, которого сменял, командира взвода, гвардии старшего лейтенанта Иванцова. В глазах у того тоже грусть. Наверное, думал о чем-то таком, что и он сейчас. Облокотился на корпус боевой машины пехоты, с которой столько лет был неразлучен. Несколько раз подрывалась она с ним на небольших фугасах, менял ее двигатель, гусеницы, перебрал всю ее ходовую часть. Пожалуй, за это машина любила его, готова была с ним идти и через минные поля и скалы. Правду говорят, что у машин есть душа, и она прирастает к своему хозяину. А как уехал Иванцов, так сразу «слегла», «захворала» и на первой же операции в Пули-Хумри «ушла» от Федора, сгорела, как спичечный коробок. Так и не понял от чего, прямо на его глазах...

А что на этой фотографии? А, это он сидит на броне с Димкой, командиром второго взвода. Вот парень был, он как раз спал на той кровати, на которой разлегся этот лейтенант, сменщик Федора. А фотографии дочки Димки и жены, наклеенные на стене, над кроватью, никто и не захотел снимать, и этот лейтенант тоже. Сказал, пусть останутся на память.

Федор поближе поднес к себе фотографию Димки Шеляткова. На лице у того беззаботная улыбка, ничего и никогда этот парень не боялся. Только где-то что-то, он уже там, впереди всех, под пули, взрывы лезет. Кто-то раз на поминках одного из погибших офицеров попытался пристыдить Шеляткова, мол, не в орденах счастье и не в мемориале, который будет стоять на твоей могилке. А он в ответ вместо того, чтобы заехать по скуле беспокоящемуся за его судьбу, улыбнулся и сказал, мол, цыганка ему нагадала не в цинке быть, а в побрякушках, вот он и торопится их заработать, да побольше.

Одни посчитали это хорошим ответом в адрес штабной крысы, которые, как говорится, «не понюхав дыма», не зная, что такое на самом деле бой, оформляют на себя чужие награды. Другие покрутили пальцем у виска, мол, у Димки крыша поехала. А кто-то его словам и вовсе значения не придал.

А жизнь шла. И Димка продолжал лезть под строчащий пулемет, пробираться в тыл душманов через минные поля, при этом оставаясь невредимым. Но легенды так и не успели сложиться об этом молодом офицере. Обманула парня цыганка...

На Пагмане? Точно, на Пагмане, Димка со своей группой, когда на броне входил в ущелье, напоролся на банду душманов. Первая пуля была Димкина. Тот бой был коротким, и никто больше из его взвода не пострадал, хотя шквал огня был плотным. Солдаты сами потом удивлялись этому. А кто-то позже на поминках Шеляткова предположил, может, перед началом боя сам Бог спросил у Димки, что он выберет: спасение жизни солдат или своей. Он отдал свою.

«Да, Димыч, Царство тебе Небесное». Федор вытащил из-под стола бутылку водки и, взболтнув ее, выпил из горла остатки.

Несколько фотографий переложил в сторону, не рассматривая их. Это он позировал кому-то из солдат, фотографируясь с ними на память. То сидит с ними на броне танка, то – на БМП, то облокотился на полуразваленную стену дувала...

Погоди, а это кто? А-а, афганец. Точно, точно, на Дех-Сабзе они вместе с их ротой «придавили» душманов. Боя толком тогда и не получилось, духи, отстреливаясь, ушли в кяризы, и командир роты приказал устроить засаду. Простояли до вечера вместе с царандоевцами, но духи так и не появились. От безделья фотографировались с афганцами. Этот парень хорошо знал русский язык. Но больше всего заинтересовало в нем то, что у этого тридцатилетнего афганца шестеро детей! Подумать только, в их стране идет война, кругом разруха, медикаментов нет, нищета, а они детей рожают. А особенно то, что первого ребенка его жена родила в свои тринадцать лет.

Федор потянулся к сигарете, лежавшей на блюдечке, а от нее остался один фильтр, сгорела. Пачка «Столичных» пустая, вторая – тоже. В кармане гимнастерки осталась пачка «Охотничьих» сигарет без фильтра. Прикурил, табак хороший, просушенный, глубоко затянулся и на сердце легче стало.

Спать не хотелось. Даже несмотря на то, что последние двое суток он толком и не отдыхал. Их взвод сопровождал в кишлак Камари несколько машин с продуктами, керосином, одеждой. Ночевали у своих на блокпосту. А сегодня утром, когда готовились к возвращению в дивизию, услышали пальбу в кишлаке. Вести ее могли только душманы.

Не слушая уговоров командира блока не лезть туда, Федор, оставив грузовики, на пяти БМП решил прорваться к кишлаку двумя колоннами. Пыль, поднимавшаяся за машинами, выдавала приближение шурави... И душманы сразу ушли, исчезли. Жители молчали, спрятав убитых, если они, конечно, были. А может, и душманов.

Что говорить, для афганцев этот кишлак – яблоко раздора. В нем родился нынешний президент Афганистана Бабрак Кармаль: кость в горле для исламских партий. Сколько раз они уничтожали его родовое гнездо, а кишлак снова возрождался, восстанавливался и – жил.

...Сигарета выкурилась быстро, и заметил это Федор только после того, как она стала обжигать пальцы. Потянулся за второй и замер: со следующей фотографии на него смотрел худощавый, черноволосый афганец Наджибулла. Да, да, старший капитан Наджибулла, из афганской милиции – Царандоя, хорошо говоривший на русском языке. Его рота частенько ходила вместе с взводом Федора по дех-сабзским и пагманским дорогам, иногда в засадах вместе участвовала. Не раз Наджибулла его угощал пловом, но что интересно, он об этом человеке так ничего и не знает. Бывает же.

«Ну что, Наджибулла, видно, не удастся нам с тобой попрощаться. Может, как-нибудь жизнь еще сведет нас. Кончится война, я обязательно приеду к тебе в гости. Знать бы только, где тебя искать».

Толщина стопки фотографий, лежащих справа от Федора, потихонечку убывала, и постепенно возрастала та стопка, что слева, куда он откладывал просмотренные снимки.

...К храпу молодого лейтенанта добавился тенор прапорщика Славина. Сколько с ним, старшиной роты, прошагал Федор бок о бок. Года полтора? Да, классный он мужик, никогда его солдат не оставлял без еды, следил за состоянием их одежды, которая после некоторых боевых ремонту уже не подлежала. Менял ее сразу, без разговоров. А перед прошлым выходом на боевые принес в командирский БМП два ящика стеклянных банок с вареным картофелем. Федор даже не знал, что такие овощные «компоты» бывают. Больше привыкли к картофельной муке, которую повара в столовой разводили водой, и получался из нее хороший клейстер.

Да уж, но объедались они с солдатами той картошкой недолго. Второй ящик подарили жителям одного из кишлаков, еще в придачу и с тушенкой. Из жалости? Да об этом как-то

и не думалось. Душманы в последнее время начали звереть в их районе, как и в соседних. Два блока в Дех-Сабзском уезде обстреляли из минометов, в кишлаке у перевала убили двух учительниц-студенток, секретаря НДПА.

Федор встал, прошел к своей тумбочке, нащупал в ней пачку с чаем № 36 и вернулся с ней к столу. Кипятильник быстро нагрел в железной кружке воду, черные листики чая, брошенные в нее, начали оседать, оставляя за собой в воде темно-коричневые полосы.

...А на эту фотографию, где он на одной из операций на память снимался с двумя сержантами, сил не хватило смотреть – положил ее в стопку слева. Обжигаясь, отпил чаю и невольно начал читать запись на ее оборотной стороне: «Гв. сержант Коновалов, гв. мл. с-т Ивантов, гв. ст. л-т Кулибин». И все, рука затряслась, подбородок задергался, нос зашмыгал, и по лицу вдруг потекли слезы.

Да, нет уже больше его земляков – ни гвардии сержанта Сережки Коновалова, ни гвардии младшего сержанта Мишки Ивантова. И как ему тогда удалось уговорить начальника штаба батальона не отправлять его, едущего в отпуск, с их гробами в Союз, к их родителям. Он бы не выдержал... Была бы хоть малейшая его вина в их смерти... Шли в середине колонны батальона, последнее левое колесо идущего впереди них бронетранспортера подорвалось на мине, и ее осколки «срезали» их жизни.

«Обязательно, когда приеду в Союз, съезжу к вашим родителям, ребята, и зайду к вам на кладбище, будет что рассказать о нас», – и, глубоко вздохнув, Федор в течение нескольких минут безотрывно смотрел на улыбающиеся лица земляков.

«Сережка, как раз перед выездом на боевые действия, был награжден медалью «За боевые заслуги». За что? – Федор положил ладонь на лоб, пытаясь вспомнить. – А, накопилось к тому времени немало твоих подвигов. Последний: ты спас афганскую семью в горящем дуكانе, взломав дверь. Я помню глаза одного из спасенных мальчишек, он бегал за тобой, сержант, и что-то говорил. Наверное, благодарил шурави за свое спасение. А ты, Миша, как раз к тому времени был назначен мною командиром отделения. Заменил Ф-Ф-Фетисова. Нет, нет, Феоктистова. Он демобилизовался, да, да, с двумя контузиями, но остался жив...»

Большой глоток горячего чаю обжег язык и небо. Федор еле отдышался. Полез за новой сигаретой и прикурил ее...

«Вот и кончилась твоя война, Федор Кулибин, – нащупал в кармане свою записную книжку, открыл ее посередине и посмотрел на записи. Сколько раз он открывал это место и сколько раз вписывал сюда имена погибших солдат и знакомых офицеров. Шестнадцать человек. А позавчера добавил еще одного, Якова Шурынина, он умер в госпитале. И как ему еще удалось прожить несколько недель после полученных тяжелейших ран, при которых человек просто не должен жить? Левое плечо осколком срезало начисто. – Буду вас, ребята, всегда помнить», – и глубоко вздохнув, спрятал блокнотик назад, в боковой карман гимнастерки.

В дверь кто-то тихо постучал. Она приоткрылась, и в комнату заглянул дневальный по роте:

– Товарищ гвардии старший лейтенант, вас вызывает начальник штаба батальона.

– А где он?

– По телефону звонил. Говорит, чтобы вы срочно зашли к нему в штаб, – шептал солдат.

– Ну, дает Потапыч, – удивился офицер и, отпустив дневального, стал одеваться.

Начальник штаба был у себя в кабинете, сидел за столом у раскрытой карты.

Глянув на Кулибина исподлобья, по привычке сплюнув на ладонь, расправил свои рыжие усы и махнул ему рукой:

– Садись, старлей, – указал он на стул возле себя. – Чай будешь?

Налив из электрического чайника кипятка в граненый стакан, пододвинул его к Федору, а за ним и блюдце с сахаром-рафинадом.

– Ну что, сменщика встретил? – майор посмотрел в глаза старшего лейтенанта. – Федя, ты с ним поостороже будь, пока здесь, и от себя далеко не отпускай, а то сам понимаешь, желторотик, натуральный желторотик. На вид парень больно бойкий, не любит, когда его учат, пытается что-то вякать. Ладно, я тебя за чем вызвал-то, слушай. Завтра после обеда вот сюда пойдем, – и он повел грифелем карандаша по карте, остановив его на коричневой точке, отмеченной чернильным кружком.

– Опять в Дех-Сабз? – спросил старший лейтенант.

– Куда нам без него, дорогой. Операция будет быстрой, через ущелье когда перейдем, по его краю вот сюда зайдем и пеша сюда, – майор продолжал водить грифелем карандаша по карте недалеко от аэропорта. – Наш отряд сегодня потрепали там духи, и царандоевцам хорошенько досталось. Пока точного времени выхода в эту местность не знаю, жду решения командира полка, он – командира дивизии, а тот – только ему известно кого. Но то, что это будет, чувствую, как и то, что ты пойдешь туда со своим желторотиком. Хотелось бы, чтобы эта операция была недолгой.

– Товарищ гвардии...

– Знаю, что у тебя последние деньки здесь остались, но другого выхода нет, Федя. Семь командиров на весь батальон и три их сменщика. Все. Ты что, хочешь, чтобы ротой при тебе начал командовать твой сменщик?

– Да нет, – вздохнул Федор, – погробит сразу же всех.

– И я о том же.

– Солдат сейчас поднимать?

– Пусть спят, потревожить их всегда успеем. Все понимаю, все! – майор встал со стула и вышел на середину кабинета. – Ладно. Короче, подъем в четыре ноль-ноль. Со своим взводом выдвинешься к разъезду и там будешь ждать меня. Если на посту царандоевцы начнут интересоваться, куда собрались, говори им, что идешь на Пагман, в какой-то кишлак. И все!

– В кишлак Пагмана? А на самом деле?

– Чего? – прищурился комбат.

– А насчет Дех-Сабза как, товарищ гвардии майор? Вы же говорили, что туда пойдем.

– Не задавай лишних вопросов, старлей, а то так до старости в этом звании и останешься. И чтобы все твои солдаты знали, что идете в Пагман. Все. Главным в этой операции будет армейский офицер. С ним познакомлю вас здесь, – начальник штаба ткнул пальцем в место разветвления черных полос – дорог из Кабула на Пагман и на Дех-Сабз. – Все, что могу тебе сказать, Федя. Иди, прямо сейчас буди старшину, только тихо, пусть что-нибудь подберет вам из еды дня на три-четыре-пять. Понял? На складе не спят, ждут его. Ну, и там солдат подними, сколько нужно, чтобы помогли ему. Что взять из оружия. Слушай...

* * *

И все завертелось, в принципе, как всегда перед боевыми, без нервотрепки не обходилось. То это забыли, то еще что-то. Заполнены баки горючим, канистры – водой, уложены ящики с консервами, сухим пайком, с боеприпасами укреплены на броне.

Встреча с незнакомым армейским офицером, одетым в серый поношенный комбинезон, состоялась всего лишь после нескольких минут ожидания. Он, пожимая руку Федору, тихо, почти на ушко, шепнул: «Майор, зовите Николаем, так проще. Кто у вас сменщик?»

До перевала Дех-Сабза не дошли километров пять-семь, свернули в зеленую зону, остановились у глубокого оврага. Майор приказал занять оборону, оставить с личным составом сержанта, а ему, Кулибину, вместе со сменщиком и пятью солдатами выдвинуться с ним на точку, знакомую только ему.

– Сколько будем гулять, не знаю. Если быстро – день. На это время и возьмите с собой сухпай и по боекомплекту. Рацию оставьте здесь. Все! – приказал он.

Пять часов без остановок шли, ползли, прыгали с камня на камень куда-то в гору. Остановились только на той стороне ее гребня, в узкой расщелине.

– Кхе, кхе, – несколько раз кашлянул майор.

И в ту же секунду справа, чуть выше на подъеме раздался стук камня или чего-то такого же твердого о скалу. Стук был глухой. Три раза.

– Кхе, кхе, кхе, – приложив ладонь к губам, снова кашлянул армейский офицер и, подняв ладонь вверх, показал, чтобы ожидали его.

Он вернулся быстро, только уже не по той тропке, по которой поднимался по расщелине. Кашлянул сзади и снова показал рукой, что нужно идти за ним. У каменной глыбы остановился и, отворив расщелину в «стене горы», прикрытую покрашенным под цвет скалы дерматином, скрылся за ним. Через несколько секунд выглянул и махнул рукой, чтобы шли за ним. Это был вход в пещеру. Шли за офицером недолго, в темноте, аккуратно прощупывая ногами камни, чтобы не споткнуться, держась рукою с зажатым в ней автоматом за рюкзак идущего впереди соседа, а второй ощупывая стенку тоннеля.

– Ждите меня здесь, – услышали голос Николая, – ничего с себя не снимать, быть готовыми к движению, и – на чеку. Если что, решение принимать самостоятельно. Все.

Сколько длилось «не долго», трудно сказать. Упершись головой в холодную стену, Федор прикрыл глаза и попытался вздремнуть.

Яркий свет, резко открывшийся над ними, ослепил всех.

– Ко мне, по лестнице и осторожно, – голос майора звучал из отверстия в тоннеле сверху, в которое пробивались лучи солнца.

Федор первым нащупал веревочную лестницу, но майор его тут же остановил, сказав, что командир будет вылезать последним.

Где они оказались сейчас, Федор не задавался вопросом, потому что этой местности совершенно не знал, да и состояла она из тех же скальных пород. Шли быстро и молча, но уже не по тропке, а по нижней части скалы, перепрыгивая через камни, через корни и стволы карликов-сосен. Вместо того, чтобы спуститься в низину, узкое ущелье, майор сноровисто, придерживаясь руками за каменную стенку, пробирался по склону дальше. Все остальные двигались за ним так же быстро.

Не добравшись и до середины ущелья, майор начал спускаться еще ниже и скрылся за деревом, лежавшим всеми своими ветками на каменной плоскости горы. Оказывается, оно росло в трещине, закрывая собою проход, уходящий в глубину горы. Ход был узким, шириною с метр – полтора. Где как. Но он был не длинным, уткнулись в стену:

– Здесь и будете ночевать. Я скоро, – и майор, с легкостью, как скалолаз, упираясь ногами в стены, начал подниматься вверх.

– Товарищ с-старший лейтенант? – заикаясь, шепотом спросил ефрейтор Семочкин. – Может, поедим?

– Да, да, – ответил Федор, – только больше не шептаться. Кто захочет по-маленькому, то назад идите, помните, где мы проходили через трещину? Она отсюда метрах в двадцати, может, чуть дальше. Но по-большому не ходить, а то не выдержим до утра от ваших запахов.

Есть не хотелось, и поэтому, отдав последние команды солдатам по ночному дежурству, Федор, устроившись удобнее, задумался.

* * *

Майор вернулся к рассвету. Спустился также сверху, упираясь ногами и руками в стены расщелины.

– Что пригорюнился, командир? – спросил он.

– Да как сказать, – выдавил улыбку Федор. – Тяжело идти туда, не зная куда, ждать того, не зная чего.

– О-о, ты еще и сказочник, – похлопал по плечу старшего лейтенанта майор. – Значит, я в тебе не ошибся.

В чем именно не ошибся этот майор, Федор так и не узнал. Единственное, что отметил, лицо у Николая было без признаков усталости и мешков под глазами, а наоборот, какое-то светлое, свежее, радостное. Как будто человек только приехал с курорта, где ничем не занимался, а только отдыхал. Бывает же такое. И родинка у него над бровью интересной формы.

– Все было спокойно? – спросил он у Федора.

– Да.

– Ну и ладненько, збырайтесь, хлопцы, пишлы до дому.

Да он еще и хохол, усмехнулся про себя Федор.

Дав на сборы минуту, майор сказал, что нужно срочно возвращаться назад, к стоянке бронетехники.

На полпути подозвав к себе Федора Кулибина и его сменщика лейтенанта Андрея Кобзаря, шепнул им, что уходит, встретятся, может быть, позже. И поинтересовался, запомнили ли, как возвращаться назад.

Федор кивнул и сказал, что они вроде бы, когда уходили со стоянки, шли по сухому руслу. Майор, услышав это, улыбнулся, мол, теперь он будет спокоен за них, и, приблизив свое лицо к уху Кулибина, шепнул, что пусть это место лейтенант хорошенько запомнит.

«Понятно, я уже списан», – подумал Федор и с какой-то завистью посмотрел на Кобзаря.

А что говорить, время его пришло, а Кулибину пора упаковывать вещи и собираться домой. Только где теперь будет его дом, в Туле или в Рязани, в Каунасе или в Рукле, в Пскове или в Витебске? А может, и вообще получит направление в какой-нибудь отдельный батальон или полк, который заброшен на край света.

Уравнение с двумя неизвестными

– Това... – сапер поднял руки и остановился. – Кажется, там струна, – и ткнул в сторону выезда из зеленки на дорогу.

Федор поднял руку и дал команду солдатам рассредоточиться впереди и сзади БМП.

– Кобзарь, твоя вершина! Смотри. Боец, кто там еще у нас сапер? А-а, Серый, давай ты справа все прощупай, а Довлатов – слева.

Время тянулось очень медленно. Нога затекла, но Федор не менял своего положения, лежал на левом боку, прислушиваясь к каждому звуку. Саперов и сопровождавших их двух автоматчиков уже не было около часа. Они словно пропали. Кто-то из солдат не удержался и чихнул.

Кулибин хотел было показать солдату кулак, но и сам не удержался, чихнул. Камень, на котором лежал он, был прикрыт от солнечных лучей ветками растущих деревьев и поэтому оставался холодным.

«Что говорить, армия, – продолжил свои размышления Федор. – Вот зачем ему со своим взводом понадобилось сюда лезть, а, товарищ комбат? Придумал в довесок какого-то армейского майора, который с закрытыми глазами может пройти по этому району. Кто он? Скорее всего, какой-нибудь особист или разведчик. Что он здесь забыл? Скорее всего, получал какую-то информацию. Какую? Ну, это и так понятно, о передвижениях какой-нибудь душманской банды. Так. Ну и что дальше? А зачем Кобзарь должен запомнить, как передвигаться по этому участку. Зачем? Чтобы потом ходить к тайнику? Скорее всего, так».

Появился Довлатов. Он, согнувшись в три погибели, подбежал к Федору и лег рядом, пытаясь отдышаться. Первое, что отметил Кулибин, что этот дембель натянул на себя бронжилет, вернее, застегнул его со всех сторон, чего в последнее время не делал, фразерился среди своих. Значит, что-то сильно испугало этого парня.

– Т-тов-варищ...

– Дальше давай, – перебил заикавшегося сапера Кулибин, понимая: это второй знак, указывающий на то, что сапер сильно напуган. – Успокойся, сделай глубокий вдох. Молодец! Еще раз. Еще. Все? Говори. Что видел?

– Та-та-ам сиг-г-налки.

– Сколько?

Солдат показал четыре пальца.

– В-в м-метра-ах ну...

– В десяти?

Солдат помахал.

– В тридцати?

– Б-б-бо...

– В пятидесяти?

Солдат закивал.

– Ч-через-з т-до...

– Через дорогу протянуты?!

Солдат снова закивал.

«Ясно, ясно. Зачем же так, а? Хотят узнать, когда я выдвинусь со своей группой назад, а потом уничтожить нас?»

Второй сапер, передвигавшийся по дороге в сторону перевала Дех-Сабза, ничего подозрительного не обнаружил.

«Значит, нас ждут только с одной стороны, – пришел к выводу Кулибин. – Кто это? Понятно, духи. Что делать, что делать дальше?»

У Кобзаря на широкоскулом лице осталась вопросительная ухмылка.

– А если оттуда начнут давить? – спросил он, тыкая пальцем в гору.

– Сам решай! – Кулибин смотрел в глаза лейтенанта. – Круговая оборона. Как на первом курсе в училище обучались, помнишь?

– Понял, понял, – наконец-то с лица Кобзаря сошла монументальность памятника. – Просто так и сразу?!

– Будь проще, братан, здесь война, – и, махнув рукой саперу Серову, которого почему-то с первого дня их знакомства называл Серым, крадучись полез в сторону рощицы, зацепившейся за край дороги и заползшей немножко на скальную часть горы.

Солдат шел впереди, медленно, внимательно осматривая землю с торчащими из нее осколками каменных глыб. Чем-то он все же был похож на его училищного друга Серого. И лицо у парня серое, как будто дымом смольным обмазано, и борода, толком никогда у него и не росшая, пушком закрыла щеки с подбородком.

– Товарищ с-с, – окликнул Федора идущий сзади ефрейтор Биня, то есть Бинев. Придумали же фамилию.

Ефрейтор, приложив указательный палец к губам, показал, что нужно присесть и замереть.

Федор, по инерции, осмотрелся по сторонам и кивнул подбородком десантнику, что, мол, такое, не спуская с него глаз.

Но ефрейтор молчал, прислушиваясь. Где-то в стороне кто-то «шумнул» – камень толкнул. Это сапер? Нет. Кто?

Серов, смотря на Федора, тоже замер в позе идущего по камням человека. Но он не памятник и поэтому, качаясь, медленно опускает на землю приподнятую ногу, стараясь не потерять равновесие.

Через кустарник очень сложно рассмотреть то, что за ним «шумнуло». Хорошо бы птица, или заяц, или другое какое-нибудь животное. Но по испуганному лицу Бини и Серого Федор понял, что это далеко не так. Значит, именно здесь и расположена духовская засада, ожидающая передвижения их мини-колонны. Может, и так.

Кулибин присел и направил автомат в сторону кустарника. Что-то привлекло его внимание под сломанной веткой, лежавшей невдалеке от него. Мышь, черепаха? Точно, она самая, величиной с большую тарелку, уставилась на Федора.

Но Биня поворачивал головой, мол, не она шумела, а кто-то это сделал дальше, за кустарником.

Что делать? Что делать? Федор потянулся к черепахе, но тут же отдернул руку от пресмыкающегося, там был только панцирь, а из него выглядывала голова змеи. Нет, ящерицы, зеленых змей он здесь никогда не видел. Ящерка? Ткнул в ее голову стволом автомата, но она вместо того, чтобы спрятаться или убежать, ухватила своей пастью за кончик ствола. Рывком Федор дернул автомат к себе и ухватился рукой за ящерицу и, зажав ее шею в ладони, посмотрел на сапера.

Тот не спускал глаз со старшего лейтенанта.

Федор подбородком показал на куст, мол, нужно двигаться к нему. Ефрейтор все понял.

* * *

Душман сидел к ним спиной. Одет он был в рваный, изъеденный молью, выцветший полосатый халат. На голове серая шапка, такая же рваная по краям, как и одежда. Есть ли кто сбоку от него, не видно.

Федор, сильнее сдавив ящерицу, кинул ее через раздвинутые сапером ветки, в сторону душмана. Тот с испугу резко развернулся лицом к Кулибину, но, не заметив его, начал скидывать со своей спины пресмыкающееся и что-то громко говорить.

По раздавшемуся смеху справа Федор понял, что тот не один. Было хорошо видно нескольких мужчин, подошедших к испуганному афганцу. Одеты они были также в поношенную одежду. Жаль, что он не понимает их языка. Но в том, что именно они установили на выезде из зеленки сигнальные заряды, он уже не сомневался, как и в том, что они ждут приближения его колонны.

Срезать их сейчас несколькими очередями нетрудно. Но сколько здесь их находится? Три человека-смертника? Нет, этого не может быть. Другие духи скорее всего расположились где-то рядом, что нужно уточнить.

Федор посмотрел в сторону ефрейтора и показал ему с помощью жестов, что тот останется здесь и, если что, откроет по душманам огонь. Он же с сапером двинется дальше и все осмотрит.

Солдат кивнул и улыбнулся, мол, будь спокоен, командир, все сделаю. Жду вас.

Серый, не спуская глаз с командира, показал подбородком в сторону горной стены. Что он этим хотел сказать? Федор поднял голову: скала отвесная, высотой метров, ну, около... даже трудно сказать сколько. Метров сто, может, меньше, может, больше, это на глаз трудно определить. Но не в этом суть, а в том, что душманы на ней не могут сделать засаду, это точно, не выгодно с большой высоты обстреливать колонну, напоминающую тонкую змейку. Разве только если пугнуть. Правильно думаешь, Серый.

А что дальше? Дальше, значит, так, низина между дорогой и горой неширокая, метров пятнадцать, и заросшая кустарником и деревьями. И что, у духов, устроивших здесь засаду, видно, крыша поехала? Их же здесь в два счета расстреляет его десантура. А если дорога заминирована, то те же осколки и из них сделают такое же решето, что и из нас. Хм, удивительно, афганцы воюют с рождения, имеют огромный опыт боевых действий в любых условиях и так безграмотно устроили засаду. А может, у них там за кустом кяриз есть?

Федор посмотрел в сторону сапера и показал ему рукой, чтобы не торопился, нужно решить первую головоломку. Но тот покачал головой, мол, посмотри, командир, сюда. Куда? О, струна натянута между деревьями. Мина? Нет, покачал головой Серый, она вросла в дерево. Сколько ж ей тогда лет? Скорее всего, это ему показалось, а натянута для того, чтобы об нее можно было споткнуться и на шуметь. А вот и следующая головоломочка.

Что? Федор вопросительно посмотрел на улыбающееся лицо сапера, который тыкал рукой в ту же сторону, только выше. Что он имел в виду? Скала как скала, каменная. А-а, не туда нужно смотреть. А куда? Что, еще одна струна натянута? Точно. Так же установлена? Что-то здесь не то. Что он делает?

Сжав зубы и по инерции прикрыв рукой лицо, которое хочется защитить от взрыва, осколков, Федор наблюдал за Серым. Тот махал рукой, звал за собой. Ну что ж, командир, только не дрейфь. Ладно, Биня, дежурь. Махнув автоматчику, Кулибин двинулся за сапером. Только бы духи не услышали их передвижение.

Серый не шел по найденной тропке. Что их ждет впереди, непонятно. Вот он замер. Так, Серый, что там тебя заинтересовало? Поднял руку, во что-то всматривается. Молодец парень, осторожный и внимательный. Поднял палец, второй, третий, четвертый, пятый. А-а, вот, значит, где остальные духи собрались. В принципе друг от друга они находятся метрах в тридцати, может, чуть больше. Нормально.

Серый показал, что нужно присесть на землю.

Кулибин вытер со лба пот и не отрывал глаз от сапера. А тот продолжал всматриваться в кустарник. Что там? Пять человек, это понятно. Фу-у, а что дальше-то им делать сейчас? Устроить войнушку?

Наконец-то он услышал громкий смех кого-то из людей. Им некого бояться, вот и горла-няют, что-то громко рассказывая друг другу.

Сколько у них? Федор ткнул рукой в автомат. Серый развел руками, не знает. Хотя показывает, что у них автоматов нет, есть винтовки. Понятно. И что еще? Гранатомет? О, это дело серьезное. Значит, нужно одновременно открыть огонь по той и этой засаде. По той – из автоматов, а по этой – из пушки метров за пятьдесят. Глупо, если нет прицельного огня, то и эффект от него нулевой. Лучше это сделать сейчас, пока все духи рядом. Двоих убрать залпом, остальных гранатой и очередями.

Ладно, это решение более правильное. Теперь нужно узнать, есть ли еще люди дальше. Нужно двигаться вперед. Нет? Скала? Так это что ж получается, духи притаились в небольшой горной выемке? Всего восемь человек. А с той стороны степь, могут ли там быть моджахеды? Вполне, могут быть в окопах, прятаться за камнями.

Серый снова поднял ладонь, требуя внимания. Кто-то к ним шел. Сколько? Один человек? Понятно. Они его ждали? Почему? Обнимаются? Хм.

Федор поднял голову и стал рассматривать открытую часть скальной стены. Первое, что увидел на ней: свисающую веревку, с узлами, тянущимися по ней вверх, приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга. А-а, так это вязаная лестница. Точно, точно, вот откуда они сюда спустились. И что же получается? Что?

Федор указал рукой на веревку. Серый кивнул в ответ, мол, видит ее. Показал, что им нужно уйти чуть-чуть назад, а то духи сейчас пойдут к ней.

«Желательно. Это лучший вариант. Так не хочется влезать в бой с неизвестным противником», – крадучись двигаясь назад, подумал Кулибин.

В том, что это был тот самый майор Николай, Федор не сомневался. Как и в том, что тот приметил их с Серым, спрятавшимися за каменной глыбой, прикрытой ветками маслины. И не просто заметил, а и защитил их, не дав двум душманам, что-то громко обсуждавшим с ним и тыкавшим руками в их сторону, подойти к камню. Хотя, может, разговор у них шел и вообще не о шурави, спрятавшихся там, может, им это неизвестно. Федор в этом был уверен, что они с сапером остались незамеченными афганцами. Скорее всего, они говорили о блоке, у которого остался Биня, то есть Бинев, или о русской колонне, состоявшей из трех боевых машин пехоты, оставшейся метрах в ста отсюда...

Федор продолжал целиться в душмана, поднимавшегося последним по веревочной лестнице. До тех пор, пока тот не исчез из виду в какой-то незаметной снизу дыре в скале. Потом ждал, когда исчезнет лестница, которую тянули вверх.

– Что? – Кулибин толкнул ногой в кроссовку сапера.

– Тихо.

– Ждем, – прошептал он и, сдавив ладонью цевье автомата, прислушался к тишине.

Сколько они будут оставаться здесь, он не знал, как и то, что там, у камня, на котором Николай затягивал на ботинках шнурки, оставил. Да, да, он там что-то оставил им, потому что все его движения об этом очень выразительно говорили, мол, Федор, смотри сюда и потом не забудь забрать.

Сопровождавшие его душманы, похоже, не обратили внимания на ужимки своего гостя, осматривались по сторонам и ждали, когда он первым начнет подниматься по веревочной лестнице.

– Что? – толкнул в пятку Кулибина солдат.

– Лежим.

И снова тишина распласталась вокруг них, как ветка маслины над головой шурави.

Шею начало ломить, но Федор, не обращая на это внимания, продолжал смотреть в то место, где скрылись афганцы, и в то, откуда они вышли. Больше всего его сейчас волновал вопрос, почему те душманы, за которыми наблюдает Бинев, не пришли сюда. Видно, там их

наблюдательный пункт. Тогда зачем установили сигналки? И дождался, когда что-то внутри ему подсказало: теперь можно двигаться назад, они находятся в безопасности.

То, что было написано на скомканной пачке из-под сигарет, оставленной Николаем, удивило. С одной стороны, каракули напоминали две буквы с прочерком между ними «М-ц», с другой – кусок карты, а прочерк – это какая-то, скорее всего, огневая точка. Буква «М» – не то ли это место, где он сейчас находится, а «Ц» – где находится Кобзарь с техникой и солдатами? Что-то похожее, а прочерк – это то самое место, где он оставил Серого, чтобы приглядывал за действиями душманов.

...Серый приподнялся и, улыбаясь, показал им, что духи ушли.

– Куда?

– Сначала двое из них ушли по дороге в сторону лейтенанта Кобзаря, – прошептал Бинев, – минут через десять вернулись и ушли под землю. Под кустом вход в кяриз.

– Когда?

– С полчаса назад. Может, взорвем его?

Федор ладонью прикрыл его губы, мол, не шуми, разберемся потом. Но, что больше всего его удивило, исчезли струны, которые они с сапером перелезали. На этот вопрос не дал ответа ни Биня, ни Серый. Внимательно осмотрели это место.

– А может, они и вовсе не струны, а что-то типа пружин или указателей, что дверь в кяриз открыта... – шепнул в ухо Федору сапер.

– Они же были натянуты, – Кулибин с удивлением посмотрел на солдата.

Тот в ответ пожал плечами. И тут же ткнул офицера в бок, показывая ему пальцем на толстую ветку дерева. Федор прищурился, пытаясь что-то рассмотреть.

«Ниже смотрите, – задержал указательным пальцем солдат, – за рогатиной паутина висит на струне. Да-да, она уходит куда-то вниз...»

Да, если бы не паутина, то Федор ее и не заметил бы. Верхняя струна тоже проходила насквозь через толстую ветку дерева и уходила в землю.

«Видно, здесь находится серьезный секретный объект», – по инерции потянулся к планшету с картой Кулибин, но, не нащупав его на привычном месте, вспомнил, что Николай перед выходом в горы запретил его брать с собой. Командирская сумка лежит в БМП, и по возвращении нужно обязательно нанести эту точку на карту и доложить о ней комбату. О местонахождении этого кяриза войсковой офицер знает сто процентов, а вот они – нет.

* * *

– Ну, нет ни сигнальных, ни других мин, и куда они исчезли – не знаю! – вытаращив глаза на Федора, пробурчал Кобзарь.

– Успокойся, – еще раз внимательно изучая все полоски на непонятной записи Николая, сказал Федор. – Выходит, у них здесь база.

– У кого? – еще не понимая, о чем говорит Кулибин, переспросил Кобзарь.

– У духов. Чья же еще здесь может быть. А куда ты смотрел, скажи-ка, если они у тебя под носом сигналку сняли и ушли? А? Она же вот, – Федор ткнул рукой в сторону дороги, – на виду стояла.

– Так сам же говоришь, по-тихому. А по-тихому можно незаметно и слона из зоопарка увести...

Федор, махнув рукой саперу, пошел с ним к тому месту, где несколько часов назад стояла на растяжке мина.

– Тихо, – поднял руку Серый. – Товарищ гвардии старший лейтенант, она не снята, – разведя ветки в кустарнике, ткнул в нее пальцем солдат. – И, более того, она уже проросла травой, смотрите.

– Что, что? – Федор присел рядом и стал изучать место, где был вбит в землю железный штырь с прикрепленной к нему трубкой.

– Даже удивительно, – прошептал Серый, – как они могли незаметно снять трос. Скорее всего, они как-то отвлекли внимание наших.

Сидевший сзади Федора лейтенант заерзал.

– Так было? – обернулся к нему Кулибин.

– Погоди-ка, погоди-ка, – встал во весь рост сменщик Федора. – Да, ну, может, где-то с полчаса назад там, – Андрей ткнул рукой в сторону скалы, – камни начали сыпаться, думали, на нас.

– Ну!

– Там попадали, – лейтенант ткнул рукой правее места расположения взвода.

– Понятно. Вас развели духи, как детей.

– Как это?

– Сержант, – окликнул Федор своего заместителя. – А ты где был?

Разборка с младшим командиром была недолгой. С одной стороны, Кулибин был зол на своих бойцов, что упустили душманов, работавших буквально в двадцати шагах от них. С другой – успокаивало то, что не завязался бой. В принципе этой стычки и душманы не хотели. Кто-то же наверху сделал камнепад по указке афганских саперов, чтобы отвлекли солдат. А может, это были и вовсе не душманы. Тогда зачем они от нас прятались?

– Товарищ командир, – выглянул из люка БМП радист. – Вас комбат вызывает.

Непонятная игра

...Вернулись они в дивизию в полночь, спокойно, без приключений. Федор коротко доложил о выполнении задания командиру роты, тот по инстанции – командиру батальона. Рассказ о приключениях: сигнальных минах и засаде – оставил на утро, начальнику штаба.

Спать не хотелось, смотреть фотографии – тоже. Поэтому, развалившись на стуле, а не на кровати, чтобы не скрипеть сеткой и не мешать спать товарищам, Федор, облокотившись на стол и глядя в черное ночное окно, задумался.

На душе беспокойно. С одной стороны, он обязан обо всем доложить кому-то. Если командиру роты, то неизвестно по каким это инстанциям пойдет дальше, но то, что информация дойдет до командира разведки и особого отдела, – это точно. В принципе, так и должно быть, ведь обнаружен не просто какой-то неопознанный объект, а кяриз, подземный ход, используемый в своих целях душманами. Ладно это было бы в каком-то кишлаке или в степной, пустынной зоне. А тут у дороги в Дех-Сабз. Благодаря ему душманы в любое время могут устроить на дороге засаду, заминировать ее.

Вопрос: а без кяриза они это могут сделать? Тоже могут. Судя по лесенке и душманам, поднимавшимся по ней, там у них расположена своя база. Кяриз навряд ли проходит через горную систему, это, скорее всего, небольшой склад или их опорный пункт, в котором дежурят моджахеды тогда, когда проходят какие-то встречи у полевых командиров. Ну, может быть. Что еще?

Этот кяриз служит им перевалочной базой. Да, разговоров нет. Куда он ведет? Скорее всего, в степной район, так как там могут спокойно передвигаться караваны. А караваны перевозят все, начиная от вещей, питания, медикаментов и заканчивая оружием, боеприпасами и так далее.

Значит, там, на скале, куда передвигалась по лестнице группа душманов, с похожим на Николая человеком, находится их база. Да, об этом нужно обязательно доложить начальнику штаба батальона, а он сам найдет, как использовать эту информацию.

Раскрыв карту, Федор стал внимательно изучать ее. Почти напротив этого участка, с той стороны горы у перевала стоял наш блокпост. Это приблизительно в двенадцати километрах от них. Как они живут там? Несколько раз и ему приходилось быть там со своим взводом по десять дней. Прожили спокойно, духи не доставали. А один раз у душманов была попытка напасть на колонну афганской армии, и что интересно, выбрали место вблизи их блокпоста. В этот раз пока Федор не разобрался, кто из них свои, кто нет, часть колонны «зеленых» духи сильно потрепали.

Но все равно Федор тогда запретил вести огонь из зениток и пушек БМП по месту боя. Сделал это только тогда, когда группа душманов пошла в обход армейцев с несколькими гранатометами. В бинокль Федор рассмотрел даже их лица. И что больше всего его удивило, они были чистыми, не запыленными. Это говорило о том, что духи появились из-под земли, то есть из приближенного кяриза. Один дух, видно, кому-то из своих старших что-то говорил и тыкал в сторону их блокпоста. Но тот в ответ только провел пальцем по горлу, мол, потом с шурави разберемся. Так понял Федор.

И только когда духи, приблизившись к запретной зоне и проходу в минном поле, направились к колонне горящей техники, приказал открыть по банде душманов огонь. В азарте дал несколько залпов по еще одной группе бандитов, передвигающейся в сторону разбитого дувала. У духов силы были небольшие, они быстро истощились. Колонна же афганской армии, развернувшись, начала вести наступление на остатки душманов, тесня их к минному полю блокпоста. Хорошо, что применяли огонь только из стрелкового оружия, а не из пушек танков. Тогда бы точно несколько снарядов могли попасть в строение блокпоста.

Вместо награды за помощь афганской армии Федору пришлось побывать на десятках допросов в особом отделе и стать чуть ли не врагом Родины. Но, к счастью, все обошлось, и он тогда хорошо понял, что с особистами лучше поменьше встречаться, а если приходится, то лишнего не говорить, тем более не фантазировать.

Но то, что он не был врагом, об этом узнал только от командира полка, вызвавшего его после долгой «чистки». Командование афганской дивизии наградило Федора Кулибина и нескольких его солдат медалями и какими-то грамотами за помощь, оказанную революции.

Да, ничего скрывать нельзя, нужно доложить о предполагаемом кяризе начальнику штаба, а потом, чтобы без обид, командиру роты, и то, как свое предположение. Да, в принципе нахождение там кяриза – это тоже только предположение, духи же не черви, которые влезли в землю. Проверять наличие кяриза он не стал, так как это дело рискованное. Почему? Был не день, а вечер, смеркалось, духи могли установить там мины, засаду и так далее. А перед Федором была поставлена задача сопровождать на то место человека и вернуться назад. Если бы он там начал бой, то мог бы рассекретить эту операцию. А имел на это право или нет, не знал.

Ну, вот и все. Федор хотел разбудить сладко спящего Кобзаря, но остановил себя – завтра лучше поутру с ним договориться, как вести себя дальше, а потом и солдатам все объяснить. Они здесь с первого дня «битые», так что лишнего о том, как прошляпили душманов у себя под носом, никому не скажут. А по их легенде, первая сигнальная мина была установлена не у них на виду, а за поворотом. Близлежащая местность открыта и сверху, и снизу, поэтому находились они в мертвой зоне, под самой скалой, закрытой от глаз душманов.

Федор вздохнул, теперь на душе легче стало. Но спать так и не хотелось. Да, последние деньки находится он здесь. Последние! Надышаться бы этим воздухом. Подумать только, впервые за все дни службы здесь он всеми силами пытался показать себя спокойным человеком. Правда, тогда в офицерской среде он себя легче чувствовал, чем среди солдат. Каждый из них уже понюхал порошу, повоевал, а он салага. В Союзе бы все было по-другому, а здесь, на войне... И поэтому он всеми силами рвался в свой первый бой, которого долго ждать, как оказалось, к его командирскому счастью, не пришлось. Но и там ему пришлось не раз, как говорится, закусить удила. Первый раз, когда поднимались на точку тысяча семьсот тридцать два метра. Он запомнит их на всю жизнь, каждый камушек, каждый метр, особенно те, до которых добрался через первые пятнадцать-двадцать минут. Запыхался, начал отставать, несколько раз споткнулся. Хотелось уже сбросить с себя бронежилет, рюкзак, но всегда впереди него был солдат – худющий Игорь Долженко. На его плечах, кроме рюкзака, были навешены несколько минометных снарядов, пулеметная лента... Это подбадривало Федора, и он всеми силами старался не подкачать.

И вот перед ним отвесная стена метра три-четыре в высоту. За что хватались солдаты, на что опирались ногами, было уму непостижимо, – за какие-то еле видимые выбоинки, углубления. Когда он пытался сделать то же самое, не получалось. Сорвал ноготь на указательном пальце, разбил подбородок, хотелось не то что материться, а выть. Но сержант Сиротинин подставил ему свое плечо, а потом какая-то неведомая сила ухватила его за плечи, потянула вверх.

– Спасибо, мужики, – только и хватило у него сил, чтобы сказать своим солдатам.

Кто-то из них хлопнул его по плечу и сказал, что каждый из них проходил эту школу: «Так что все нормально, главное в нашем деле не дрейфить».

А потом его научили подкреплять обессиленный организм маленьким кусочком сахара-рафинада. И сколько их было «первых раз»: когда стрелял в человека – врага, когда бросал гранату, когда тащил на себе раненого солдата, когда закрывал погибшему глаза...

И вот теперь все происходит в последний раз. Последний раз сегодня был на боевых, последний раз видел душманов. Скоро об этом он будет только вспоминать. А вот хочет ли он, чтобы этот «последний раз» так быстро прошел? Об этом как-то еще и не думалось.

На душе защемило. Мысли не давали возможности успокоиться. Почему-то возник перед глазами Димка Шелятков.

– Я тебе завидую, – говорит он, – ты увидишь мир, покой, цветы, счастливых женщин и детей, мужиков, которые на своих плечах несут малышей с шарами, флажками. А я так и останусь здесь, смотреть на эту бойню.

Федор смахнул слезу. Вспомнилось, как на плацу прощались с ним. Дмитрий лежал в закрытом цинковом гробу, рядом с другими погибшими солдатами, сержантами и офицерами. Сколько было гробов, точно не помнит. Но вот уйти от Димкиного не мог, кто-то подхватил его под локоть и повел назад в строй.

«Вот так, Дима, я с тобой простился. Извини, братан, Царство тебе Небесное».

Но Димка так и не уходил, сидел за столом, а потом вдруг резко обернулся к нему и сказал: «У тебя еще не все здесь».

«Как так?» – удивился Федор.

«Посмотришь».

Федор открыл глаза, в комнате темно. Значит, Димка приснился ему, а он все думал, что уснуть ему не удастся из-за плохих мыслей, что в голову лезут.

«Да уж. Что там Димка мне сказал? Что еще я задержусь здесь? Да это, скорее всего, придумалось мне так, с этой мыслью и уснул, вот и привиделось. А так, ну что меня ждет впереди? Только бы не командовать снова взводом в каком-нибудь дальнем гарнизоне, эту школу уже прошел в Тульской десантной дивизии и здесь, в Афганистане. Теперь желательно подняться на новую ступеньку, ротного командира, к примеру, в Псковской дивизии. Хорошо, если бывшему моему командиру полка удастся перетянуть меня к себе в Псков. Тот вообще обещал мне должность начальника штаба батальона. А что, здорово было бы. Что ни говори, а ротой я уже не раз здесь командовал. И командир батальона меня хвалил, и командир полка отмечал, и после прошлой операции на Чарикаре тоже...»

Вновь проснулся от боли в колене, вот как получается, уснул, оказывается, за столом. Встал, потянулся и, стянув с себя майку, лег на кровать. В комнате было очень душно, а для того, чтобы впустить в помещение свежий воздух, нужно сделать сквозняк, приоткрыть дверь в коридор модуля и форточку на улицу.

Разбудил его дневальный:

– Товарищ гвардии старший лейтенант, вас комбат вызывает.

Федор открыл глаза и с удивлением посмотрел на дневального по роте.

– Он в кабинете у начальника штаба. Просил вас срочно прийти.

...В комнате никого из офицеров и прапорщиков не было. Оказывается, уже прошло полчаса, как прозвучала команда подъем, которой он, видно, и не слышал. Выглянув в окно, увидел весь свой взвод гоняющим мяч на футбольном поле, во главе с его сменщиком. Значит, все нормально, Кобзарь уже взялся за выполнение своих прямых обязанностей. Теперь, значит, он, Федор, – бесхозный командир. Эх, знать бы, что сулит ему недалекое «завтра». Может, уже на него пришла разрядка? Куда ему теперь ехать? Хоть бы в Псков.

Внимательно выслушав старшего лейтенанта, майор Ступак еще раз глянул на разложенную карту и, посмотрев на начальника штаба, спросил:

– Что будем делать по этому поводу?

– Как всегда, если обнаружен новый объект, то докладывается по инстанциям и вносится в свои карты.

– Это знаю. А вот про Николая, того майора, как?

– А-а, – майор Сокирко поднялся из-за стола и развел руками. – Даже не знаю, что и сказать. Если промолчим, Виталий Александрович, то спокойнее жить будем.

– Да, так спокойнее. Так что, Федя, пока молчи. По этому поводу потом поговорим.

– Товарищ майор, может, уже знаете, куда мне выезжать?

– Знаю, Федор, знаю. Назад в Тулу. Звонил в Псков, говорил о твоей просьбе. Командир сказал, что постарается в ближайшее время похлопотать по этому вопросу. Так что, как быть?

– Виталий Александрович, так Кобзарь уже принял мой взвод. А я теперь кем буду?

– Никто ему еще не передавал твою должность. Он пока проходит практику, так сказать, в должности командира третьего взвода.

– Понял, – старший лейтенант встал.

– Только не торопись, Федя. Сегодня у тебя другая задача. В крепости Балла-Хисар будет проходить смотр оружия, захваченного в последних операциях. Прибудет группа представителей афганской армии, старшим там будет майор Федорцов.

– Особист?

– С ним выедешь. Будешь сопровождать колонну с оружием туда и обратно. Выезд через час, так что готовь всех своих солдат. Федорцов все тебе объяснит. В семь сорок твоя колонна должна стоять у второго автопарка. Только, сам понимаешь, о вчерашней операции с ним ни гугу. Да и вообще...

– Есть. Разрешите идти?

– Федя! – встал Ступак.

Кулибин, вздохнув, обернулся к нему и, подняв глаза от пола, посмотрел на комбата, немного полноватого, высокого мужчину, которого про себя называли шкафом. Еще бы, около двух метров ростом, в плечах косая сажень, кулак с дыню. И лицо у комбата почему-то всегда было красным. И запах спиртного от него никогда не исходил. Это, наверное, так заложено у него в организме.

– Федя, – Ступак положил свою ладонь-лопату на плечо Кулибина. – Ты это, – и расправил черные усики, – если что там, так сразу бегом в 357-й полк. Он находится рядом, знаешь.

Кулибин с удивлением посмотрел на комбата.

– Ну, это так, к слову, – кашлянул Ступак и подтолкнул Федора в бок, – ну, понял да?

– Понял, Виталий Александрович. Все будет хорошо...

* * *

Дивизия жила повседневной жизнью. В автопарке солдаты обслуживали и ремонтировали технику, кто-то прибирался на территории части, на стадионе чей-то взвод разучивал приемы рукопашного боя.

Федор посмотрел на часы, уже восемь-двадцать, а майор так и не появился. Может, Ступак ошибся, кагэбэшник должен прийти в восемь сорок, а не в семь сорок?

Но вот наконец-то на дороге появился его «ГАЗ-66» с кунгом. Машина ехала медленно, чтобы не поднимать пыль. У БМП Кулибина остановилась. Из кабины вылез худощавый мужчина, одетый в песчаного цвета комбинезон, и, спрыгнув на землю, посмотрел на Федора.

Кулибин спрыгнул с брони БМП и, сделав несколько шагов к Федорцову, доложил:

– Товарищ гвардии майор, второй взвод второй парашютно-десантной роты...

– Ладно, ладно, – поднял тот руку. – Старший лейтенант, поедете со мной в машине. Оставьте за себя старшим вашего заместителя, сержанта... Прошу, – и, поднявшись по лесенке, открыл дверцу в кунг, приглашая Федора.

В салоне было несколько длинных ящиков из-под снарядов, с другой стороны у окна железный столик, с обеих сторон которого стояли такие же железные скамьи. Федор, усаживаясь слева у стола, хотел для удобства поправить сиденье, но оно было намертво прикручено к полу машины.

– Все, поехали, – стукнул по стене кунга майор, и машина тут же тронулась. – Ну что, Федор Валентинович, давайте поближе познакомимся, я майор Федорцов Семен Семенович.

– Гвардии старший лейтенант Федор Валентинович... Ой, извините, – встал Кулибин, – вы и так уже меня знаете.

– И завидую, – улыбнулся майор. – На днях домой собираетесь. С вами месяц назад встречался капитан Веселов.

– Да, да, – закивал Кулибин.

– Ну что, решились переходить к нам или так и останетесь Ванькой взводным?

Кулибин смутился.

– У меня все так же было когда-то, – майор снял панаму и провел рукой по выбритой голове. – Жарко. Утро, а уже такая жара, соскучился по Уралу. Я там родился, – смягчив голос, Федорцов посмотрел на Кулибина и улыбнулся. – В Серове родился и вырос, город металлургов, кругом тайга. Там не так жарко. Ну, так что, Федор Валентинович?

– Даже не знаю...

– Ну, ладно, – майор полез под стол, раскрыл «дипломат», вытащил из него книгу и подал ее Федору. – Читали «Войну и мир»?

Кулибин, посмотрев на обложку, попытался раскрыть книгу и тут же, улыбнувшись, вернул ее майору:

– Это же фляга?

– Догадливый.

Майор поставил на стол две железные кружки, налил в них из фляги коньяка:

– Армянский, три звездочки. Давай, Валентинович, за твое возвращение, чтобы ничего тебе не угрожало в последние дни твоего пребывания «за речкой».

– Това... – Федор сделал попытку отказаться от спиртного, но майор, резко взглянув на офицера, замотал головой. – Так я на службе...

– Что, от пятидесяти граммов тебя развезет?

– Да нет, – кашлянул Федор и тут же опрокинул содержимое кружки.

– Ну, вот и хорошо, – майор протянул Кулибину шоколадную конфету с развернутым фантиком. – Куда вернешься?

– Еще не знаю, куда буду назначен.

– Я когда первый раз отсюда вернулся, то там с ума чуть не сошел, – надкусив конфету, сказал Федорцов. – С месяц вскакивал с постели и бежал в оружейку. Дневальные, дежурный по роте с ума чуть не сошли. А я все воевал. До этого был командиром роты, в звании как у тебя, только в мотострелковой дивизии. Наш блокпост стоял на Пагмане... Ну, ладно, давай еще по капельке! – и открыв пробку, поднес книгу-флягу к кружке Федора.

– Так вы...

– Да, Валентиныч, но сейчас разговор не обо мне. Война, скажу так, здесь затянется. Ситуация у НДПА сложилась не очень хорошая, никак не может договориться ни с мятежниками, ни с... – и он, снова вскинув глаза на Федора, продолжил: – Ты пока еще не наш, поэтому остановимся на этом, – и подал Федору кружку.

Коньяк был теплым и неприятным на вкус. Скривившись, Федор откусил половинку конфеты, внимательно посмотрел на майора, который с причмокиванием втягивал в себя остатки коньяка из своей кружки.

– Фу, какая гадость эта война, – выдохнул Федорцов. – У тебя сколько солдат-то погибло за время твоей службы?

– Пятеро, – икнул Федор. – Трое контужено, двое ранены, один тяжело.

– Отквитался за них?

– Так, – посмотрев на майора, старший лейтенант развел руки.

– Что, правда? – спросил майор, не сводя своих глаз-угольков с Федора.

– Ну, пытался. В Пули-Хумри, когда взяли трех душманов, они здорово нас потрепали, – и замолчал.

– Ох, какие мы хорошенькие. Коммунист? – снова поднял свои глаза-угли на Федора майор.

– Да.

– Молодец, – теперь икнул Федорцов и, вытащив из «дипломата» большую пластмассовую флягу, сделал несколько глотков из нее. – Вода холодная, из арыка, хочешь?

Да, она была еще и холодной, и поэтому Федор, не отрываясь от фляги, сделал как можно больше глотков, пытаясь погасить в себе жар от коньяка и опьянение.

– Ну, ну, все понятно. А ведь духи тебя запомнили как убийцу. А вдруг у кого-то из них в афганской армии есть родственники? А? А у них свои законы.

– Так чего бояться, товарищ майор?

– Ну-у, – закачал головой Федорцов.

– А все-таки? Вот если сейчас на просмотре оружия на тебя кто-то накинется из афганцев, что будешь делать?

– Пальну, и все, – забыв, что стул прикреплен к полу кунга машины, Федор попытался отодвинуться от стола.

– Не вздумай, а то сам пристрелю тебя! – голос у майора стал металлическим. – Понял?

Помотав головой, Федор напрягся и, медленно поднимая глаза, посмотрел на своего собеседника.

– Вскакиваешь и бежишь в сторону своих БМП. И не в БМПэшке прячешься, а бежишь дальше. Если будут в тебя стрелять, продолжай бежать и спрячешься в разрушенном дувале. Понял?

Федор, не понимая майора, с удивлением посмотрел на него.

– Повтори! – приказал майор.

– Если что.

– Повтори то, как я тебе сказал, – напрягся старший офицер.

Но Федор сразу понял, что у майора крыша поехала, и, чтобы кагэбэшник отстал от него, слово в слово повторил его слова.

– Еще раз повтори.

Федор это сделал, и еще раз, и еще.

– Ты понял, что я тебе сказал? – теперь голос у майора стал необычно мягким, напоминавшим голос женщины, обращающейся к маленькому ребенку.

– Товарищ гвардии майор, вы шутите? – рискнул спросить старший лейтенант.

– Ты это вложи в свое сознание, и если что сегодня произойдет, возникнет какая-то опасность, поступишь именно так, – теперь в голосе майора Федор уловил не столько приказ, сколько предупреждение.

– А вы? Солдаты? – Федор вопросительно смотрел на старшего офицера.

– Забудь обо всем. Если это произойдет, то поступишь именно так. Ты меня понял? – в голосе кагэбэшника вновь прозвучал металлический скрежет. – Так нужно. Потом я тебя окликну, и тогда выйдешь! Понял? Ни на чьи голоса больше не откликайся, только на мой. Понял?

– Так точно, – не зная, как вести себя дальше, Федор приподнялся и приложил руку к виску.

– Ну и хорошо, – майор встал, подошел к ближнему ящику, открыл его и, покопавшись в нем, вытащил флягу. Она была испачкана, вся в масле. – Помоги открыть, – подозвал к себе майор Федора.

Пробка скользила в руках. И только после того, как Федор зажал ее рукавом, она поддавалась.

– Это мазут, – майор поднял над своей головой флягу и вдруг резко опрокинул ее горлышко на старшего лейтенанта, и тот, еще не поняв, что происходит, замер, чувствуя, как какая-то жидкость льется ему на плечо, грудь.

– Что вы делаете? – Федор отпрыгнул от майора в сторону.

– Ой, старлей, извини! – вдруг осознал свой поступок майор. – Черт, испачкал тебя. Извини, я же думал, она очень густая и не польется.

– Ну, у вас и шуточки, товарищ гвардии майор. Остановите, пожалуйста, машину, – попросил Кулибин. – Я посмотрю, может, у меня в БМП есть одежда.

– А есть? – на лице майора появилась ухмылка.

– Н-нет, – испуганно прошептал Федор.

– Ладно, не прикидывайтесь ребенком. Вы уже взрослый человек, – и подняв крышку другого ящика, показал на уложенную в нем потрепанную полосатую материю. – Переодевайтесь.

– Так это же, – Федор, развернув материю, невольно сделал шаг назад и стал рассматривать халат.

– Сначала наденьте на себя вон ту одежду, – указал майор на темно-зеленую ткань, лежавшую в ящике. – Под тканью штаны, и только потом наденете на себя этот халат. И чалму не забудьте. Только ее не разворачивайте, а то я не умею ее скручивать, как афганцы.

– Товарищ майор, – снова посмотрел на старшего офицера Кулибин.

– А я, думаете, здесь комедию перед вами ломаю? Может, все и обойдется, старший лейтенант, тогда и будем смеяться. Но, – майор поднял вверх указательный палец, – желательно, чтобы не обошлось. Пока вперед ни о чем не хочу говорить, только, чтобы вы знали, вам нужно пройти небольшое испытание. Что вы так на меня смотрите?

– Зачем?

– Не задавайте лишних вопросов. Это новая задача, с которой вы должны справиться, тем более она просто смешная, посмотреть, тот вы или не тот человек. Все?

– Что, я похож на какого-то душмана?

– Догадливый. И запомните, если уловите для себя хоть какую-то опасность, то поступите именно так, как я сказал. Еще раз повторяю вам, товарищ гвардии старший лейтенант, нужно бежать в сторону своих БМП и, не останавливаясь, – дальше, в сторону разрушенного дувала. Там минных полей нет. И сидеть, пока я вас не вытащу оттуда, ясно?

– Нет, – почему-то сорвалось из уст Кулибина.

– Я вас тогда лично расстреляю, поняли? – голос майора стал жестким. – Чтобы все было, как я вам сказал, гвардии старший лейтенант, а то сгною...

Он вытащил из кармана небольшую бутылочку с прозрачной жидкостью и показал ее Федору.

– Нет, спасибо, товарищ гвардии майор, я пить больше не буду, – заплетающимся голосом сказал Кулибин.

– А это и не пьют, понюхай, – и он открыл пробку. – На!

Федор сделал шаг к нему, наклонился, и тут же майор плеснул в глаза старшего лейтенанта жидкость из бутылочки.

Кулибин отскочил назад и, выровнявшись, ударился затылком о потолок салона кунга автомобиля.

– Что вы творите?! – закричал он, вытирая глаз, обожженный какой-то с неприятным запахом жидкостью...

* * *

Место, на котором проходила выставка захваченного оружия, находилось между плотно застроенной частью Кабула и мощными оборонительными укреплениями – многоугольными башнями древней крепости Балла-Хисар. Ее история Федору неизвестна, только запомнился рассказ ребят из 357-го полка, который находился в этой крепости. Будто там есть грот, и ночью в полнолуние из него вылетают духи. В этот момент лучше не выходить из казарм, а то не разберешься, настоящие это люди: английские солдаты, афганцы тех времен – или душманы. Короче, твоя крыша может поехать. Да, парень тогда перебрал после серьезной операции, вот и нес всякую чушь. А до крепости, если кто и нападет на него сейчас, так просто с одного маху не добежать...

Федор посмотрел на своих солдат, которые стояли перед майором по стойке «смирно» и внимательно слушали его. Нет, своего командира, одетого в афганскую одежду, они не видели. Федорцов высадил его между разбитым снарядами автобусом и остатков дувала. А вот гора старого огнестрельного оружия, насыпанного перед остатками автобуса, могла привлечь внимание зрителей. Может, куда-то перелезть?

Федор посмотрел по сторонам и с грустью глянул на «ГАЗ-66», стоявший метрах в ста от него, у БМП.

«Нет, и все-таки не могу понять, почему я здесь? Зачем он меня напоил и облил этой гадостью? Зачем он меня постоянно предупреждал о какой-то опасности и куда после прохождения мне нужно бежать?»

Федор отбросил в сторону найденный в кармане халата камешек и посмотрел на гору старых, разбитых винтовок, пистолетов. Привлекла внимание сабля. Она лежала на самом верху и на вид казалась хорошо сохранившейся. Ладонь зачесалась. Может, ее потихонечку взять, рассмотреть?

Взглянул в сторону солдат, которых особист отвел еще дальше от него. С города запыхали приближающиеся к ним автомобили. Нет, бронетранспортеры. Три, пять, семь БТРов. Да, семь. Федор чуть ли не весь вылез из своего укрытия и, забыв о сабле, только что заинтересовавшей его, не спускал глаз с приближающейся колонны.

На броне сидели афганские армейцы. Их Кулибин узнал по форме. БТРы остановились, люди попрыгали на землю. Федорцов с несколькими офицерами подошел к ним, стал жать руки, обниматься. Хм, может, влезть к ним в толпу? Вот смеху-то будет. Ладно бы Кулибин был таджиком или узбеком, ну испачкал форму, переделался в их национальную одежду.

Ладно. Коньяк, что ни говори, а тяжеловатый напиток, в правой височной части давило от него. Помассировав лоб, висок, Федор уселся на камень. Да, правильно сделал особист, что не оставил его в броне БМП или в кунге своей машины. Он бы там сварился или спекся от нарастающей жары. Да еще и этот хмель.

Федор широко зевнул, по инерции правой рукой попытался нащупать маленькую флягу с водой, которую постоянно носил с собой, выезжая за пределы части. Но она осталась в кунге вместе с его формой, прицепленная к ремню. И сколько он здесь проторчит? В принципе, оружия, разложенного вдоль строя солдат, было немного. Несколько американских винтовок, пулеметов, кажется, английских, буры, даже русский ПППШ. Удивительно. Что там еще? Кулибин приподнялся, но тут же, увидев приближающую к нему группу людей, спрятался за камнем.

Федорцов, оказывается, неплохо говорил на фарси или дари. Этих языков Кулибин не знал, а только то, что это основной язык афганского народа. Ну, может, пушту, не важно. Важно то, что особист не только разговаривал с афганскими офицерами на их родном языке, но и

почему-то вел их не к тому оружию, разложенному по обочине дороги, а к куче этого мусора из старого оружия, которое разве что может находиться в музее или висеть у кого-то на стене.

Федорцов повернулся к остаткам от автобуса спиной и продолжал что-то рассказывать людям, вытащив из горы оружия «маузер». Федор приподнялся, чтобы внимательнее рассмотреть этот пистолет, но глаз опять сильно защипало, и он начал его в очередной раз растирать рукой.

– Файзулла, Файзулла, – вдруг кто-то громко закричал из толпы афганцев и, схватив ту самую саблю, что лежала на куче оружия, бросился с ней на Федора.

Кулибин словно был готов к этому моменту, мгновенно перескочил грудой камней, за которыми прятался, и понесся в сторону БМП своего взвода.

Афганцы что-то кричали, раздалось несколько выстрелов. Федор, приподняв полы халата, ускорил бег и, не оборачиваясь, проскочил между двумя машинами, на одной из которых сидел на броне замерший механик-водитель, смотревший на него, и побежал дальше, к тому самому разрушенному дувалу, о котором говорил ему особист.

Двойник

Все осталось за пеленой вчерашних событий. Кулибин понимал, ему нужно теперь время, чтобы осознать все, что с ним произошло там, у крепости Балла-Хисар. Он не раз просыпался ночью и в эти короткие мгновения бессонницы пытался мысленно вернуться к произошедшим там событиям. Но как только об этом начинал думать, в голове тут же появлялась какая-то тяжесть, зевота, тянущая его назад в сон, и еще, на что обратил внимание Федор, управляло его желанием спать не столько сознание, сколько усталость в теле, и он заново возвращался в бездонное, мягкое пространство сна.

Сколько раз он просыпался в эту ночь, Федор сбился со счета. Через полуоткрытую дверь из коридора казармы в их офицерский «кубрик» пробивался свет. Это Федор понял, рассмотрев в освещенном пространстве кровать сменщика, стол посередине их комнаты, другие кровати, на которых спали старшина и командир первого взвода сержант запаса Коломиец...

Приподнялся, ощупал рукой свой стул, стоявший у тумбочки, одежду, висевшую на нем. Шумно заерзал на кровати старшина, потом потянулся, встал, надел штаны, китель.

За ним с кряхтением поднялся с кровати и Федор.

– Все в порядке? – прошептал старшина.

– Да, – глубоко вздохнул Кулибин. – Как я сюда попал-то?

Прапорщик протянул руку для рукопожатия.

– Майор тебя привел. Говорит, командира не трогать, мы с ним посидели. Солдаты говорили, что там стрельба была, правда?

– Да, – махнул рукой Федор и натянул на себя свой китель через голову.

– Ты в туалет?

– Сейчас, сейчас, подожди меня в коридоре, – прошептал Кулибин, заново сняв форму и внимательно осматривая ее.

Да, это именно его китель был на нем, а где же пятно от нефти? Федор еще раз, сантиметр за сантиметром начал осматривать форму. Нет, ничего похожего. Стоп, вот потеки какие-то остались. Принюхался и тут же отнял от лица хэбэ, пахнущее бензином. Значит, кто-то очистил форму от нефти, а это разве возможно? Отколупав от ткани кусок твердой смолы, Федор вышел в коридор.

Дневальный сразу же подбежал к нему и, приложив руку к панаме, начал громко докладывать:

– Товарищ гвардии старший лейтенант, за время моего дежурства в роте...

– Тише, – перебил прапорщик, – люди же спят.

Федор, улыбнувшись солдату, приложил палец к губам и пошел за прапорщиком на улицу.

– Три! – громкий голос патрульного сразу же привел Федора в себя.

– Пять, – ответил ему старшина, подхватив под локоть Кулибина, они пошли в сторону котельной, потом свернули от нее направо и по еле освещенной тропке, от света фонарей, горящих на плацу, двинулись в сторону длинного деревянного строения.

– Так как все было, расскажи, – остановился на середине пути Кулибин.

– Толком и не знаю. Твои приехали, поставили БМП на стоянку и строем пришли в казарму. Я принял оружие, потом построил твоих сорванцов у курилки, проверил, все на месте. Потом прямо к крыльцу подъехал «ГАЗ-66», я даже не видел, как ты вошел в казарму. Ну, я распустил перед ужином солдат привести себя в порядок, захожу в «кубрик» – там майор. Он раздел тебя и уложил на кровать, и говорит мне, мол, дай командиру отдохнуть. Все, ушел. По запаху, идущему от тебя, понял, что ты помогал ему наливать бензин, спиртного не почувствовал.

– А-а, ну прекрасно. А это что? – и Кулибин протянул прапорщику кусочек смолы. Тот взял ее, стал рассматривать, пожевал и сказал:

– Резина.

– Как резина?

– Импортная какая-то, ее наливают на что-нибудь, чтобы снять слепок, или, ну как тебе сказать, форму.

– А-а, – вздохнул Кулибин.

– А что, Федя?

– Да опрокинул на меня бутылку с этой смолой майор, думал, нефтью облил, одежду придется выкинуть. Ан нет.

– А-а, – рассмеялся прапорщик, – так это он для прикола так сделал, я тебе говорю.

«Значит, все нормально, – успокоился Федор. – Спасибо майору, умный мужик. Погоди-ка, погоди-ка, «умный» – это ладно. А вот для чего была разыграна вся эта комедия-трагедия? Для чего? – Федор напрягся. – А, уж больно я похож на какого-то полевого командира душманов. И не афганца, а наемника. Вот только какого наемника? Погоди-ка, имени его он не назвал, а только предупредил, что это секретная информация, и за разглашение ее я сам должен знать, что со мной будет.

Так-так. Сегодня в десять утра я должен ему дать окончательный ответ, согласен ли его заменить. Но что значит заменить? Командовать той группой. Раз. Убивать своих. Два. Ну, может, не своих, зачем-то я должен поменять их командира. Ладно. Если сменюсь, то должен знать несколько языков или хотя бы английский. Ну, и что же я, за пять минут его выучу? Что-то здесь не так. Вернее, они не на того делают ставки, то есть я не потяну», – Федор встал с кровати, подошел к столу. Чайник, к счастью, почти полный. Несколько больших глотков теплой воды тут же вызвали сильное потоотделение.

Обтершись полотенцем, Федор вернулся к кровати и лег.

«Вот такая вышла с вами, товарищ гвардии старший лейтенант, загвоздочка. И что дальше вы будете делать? Воевать? Или собираться домой? Легче, конечно, отказаться, хватит, навоевался. Чего им еще нужно от меня? И тут же, Феденька, к тебе прикрепится хвостиком прекрасная фразочка – «трус». «Трус», «трус». Погоди-ка, а как старшина на меня посмотрел после того, как я вышел из туалета. Что, и он знает, в какую историю меня хотят втянуть? Навряд ли, он посмотрел в мои глаза, потому что они красные и опухшие. Да, да, и потому что от меня несет перегаром после того трехзвездочного коньяка.

Погоди-ка, – Федор закашлялся. – Погоди-ка, он точно знает, как я бежал сломя голову от афганца, который гнался за мной с саблей. Бли-ин. Да, да, когда я пробежал мимо БМПэшки, на ней сидел механик-водитель. Как его, м-м-м, Ми-ми-хайлов. Точно, Михайлов. И он обо всем этом всем растрезвонил. Черт. Правду говорят: «От любви до ненависти один шаг». А при чем здесь «любовь»? Ладно, изменим это слово на «уважение». А не все ли равно, какое это имеет значение – «любовь» или «уважение»? Завтра же вся рота, батальон, полк будет смеяться над тем, как я струсил и бежал от афганца».

Федор, сдавив губы, устался в потолок. Хотелось рвать и метать. Ну, черт, попался.

Майор вытащил из ножен саблю и двинулся к Кулибину.

«Ну что, решил, а? Решил? Ну так что?» – и начал тыкать в Федора саблей.

– Товарищ гвардии старший лейтенант, товарищ гвардии старший лейтенант, проснитесь, к вам пришли.

Федор открыл глаза, перед ним было лицо не того майора с саблей, а лицо солдата.

– Товарищ гвардии старший лейтенант, извините, – улыбнулся парень, – к вам пришли, – и он отошел в сторону.

– Доброе утро, Федор Валентинович! – вышел из-за спины дневального майор Федорцов.

– Ой, извините, – тут же вскочил с постели Кулибин.

– Ч-ч-ч, – приложил указательный палец к губам майор, – не шумите, люди спят. До подъема еще десять минут. Я вас жду у выхода, туда пойду, – махнул рукой за спину майор, – в смысле, к плацу подходите.

– Вы это...

– Ч-ч-ч, – заново приложил указательный палец к губам Федорцов. – Три минутки вам хватит?

– Да, да, – сказал Кулибин и начал быстро натягивать на себя штаны, китель...

– Еще, – майор показал, что что-то хочет сказать ему на ухо.

– Да, – шагнул к нему старший лейтенант.

– У тебя случайно с собой нет сберегательной книжки?

– В чемодане. Он здесь, в каптерке.

Майор посмотрел на часы:

– Торопись, а то скоро подъем роты, – и быстро пошел к выходу из модуля.

* * *

– Так, так. – Хирург, внимательно осматривая левую бровь Федора, произнес: – Нужен глубокий разрез, и желательно, чтобы быстро затянулось, а то пыль, мусор.

– А что, спрятать рубец от пыли нельзя? – спросил особист.

– Будет мешать заживлению, может оставить после себя какие-то изменения. Шов один, и если судить по снимку, то рана получена недавно. Такое впечатление, что он был ранен осколком камня или снаряда. Осколок прошел сверху вниз.

– Ножом, – поправил хирурга майор. – Ладно, Петя, времени у нас нет.

Федор думал, что будет больно, но оказалось не так. Только почувствовал на верхней скуле прикосновение холодной, мокрой салфетки и от нее резкий запах спирта.

Но вот когда капитан начал накладывать на брови шов, проткнув кожу иглой, то непроизвольно ойкнул.

Все. Ан нет, теперь хирург пальцами оттянул веко Федора, и он этим глазом на мгновение увидел его прокуренные усы, и в нос ударил резкий запах спирта, и с испугом подумал: только бы хирург не разрезал его.

– Все, старший лейтенант. Теперь так, бровь не трогать, а вообще глаз не трогать. Товарищ майор, вы хоть что говорите, но на лицу ему желательно без повязки не выходить в течение двух часов, пока не затянется рана.

– Ладно, – услышал старший лейтенант голос особиста. – Вы теперь ему там на шее что нужно сделайте и на ухе.

На шее Федора хирург сделал несколько ожогов с помощью раскаленного кончика пинцета. Чем-то их смазал и, не задавая особисту вопросов, заклеил их лейкопластырем.

– А вот на подбородке у него тоже есть ссадина, – рассматривая фотографию человека, в которого должен превратиться Федор, сказал хирург.

– Где? – с удивлением взглянув на фотографию, спросил майор.

– Вот, посмотрите сюда. Это, скорее всего, травма, полученная им в детстве.

И тут же Федор почувствовал, как что-то твердое и горячее прикоснулось к его подбородку, но двинуть головой, сильно зажатой в ладонях Федорцова, он так и не смог.

– Ууу-у, – со стоном промычал он. И только после того, когда почувствовал, что его голову отпустили, с негодованием посмотрел на хирурга и спросил: – Зачем так долго держали?

– Рубец нужен. Сами понимаете, искусство требует жертв.

– Все, закончили? – спросил у хирурга особист.

– Вроде да, теперь похожи, как близнецы.

– Как близнецы? – рявкнул майор. – Капитан, насколько я знаю, и у близнецов есть в чем-то разница, а здесь она не нужна, понимаешь.

Капитан еще раз взял фотографию и начал внимательно рассматривать то ее, то лицо Федора.

– Так, так, – глубоко вздохнул он. – Вроде все перенес. Так, так. Здесь рубец, здесь тоже, тут рубец, здесь ожог, тут родинка, – и ткнув под ухо Федора, посмотрел на особиста. – Не у того, что на фотографии родинка, а у нашего героя.

– Убери, – приказал майор. – И быстренько, быстренько, времени совсем нет.

* * *

...Прапорщика из финансового отдела ждали недолго. Увидев его, Федор чуть не вскрикнул от неожиданности и не вскочил со своего места: тот был копией великого артиста Михаила Пуговкина. Некоторые кинофильмы с его участием Кулибин видел по многу раз: «Свадьба в Малиновке», «Солдат Иван Бровкин», «Дело Пестрых»... Но это был финансист, прапорщик Нестеров.

– И как живет с таким лицом? – спросил у него особист.

– Прекрасно, товарищ гвардии майор. Все двери открыты, все улыбаются, даже генералы жмут мне руку и говорят, что я очень похож на Пуговкина. Но мы с ним не родня, – еле сдерживая улыбку, ответил тот. – Может, где-то в седьмом колене.

– Понял? – Федорцов посмотрел на Кулибина. – Так что, как видите, товарищ старший лейтенант, двойником можно жить и даже что-то от этого иметь. Например, уважение, – и он с улыбкой посмотрел на прапорщика.

– А у вас ранение? – с участием спросил у Федора финансист.

– В передрагу попал, – ответил за старшего лейтенанта майор. – Значит, так, прапорщик, подготовьте на Кулибина все документы по переводу его денег на этот счет, – и он протянул ему сберегательную книжку Федора. – Человек задержится в Афганистане, в госпитале, потом еще неизвестно, куда его забросит судьба, то есть куда направят доктора. Может, и не в госпиталь, а в какую-нибудь гражданскую клинику, и так далее.

– А я уже все приготовил, – ответил прапорщик и выложил на стол несколько листов. – Осталось только подписаться. А как быть со сберегательной книжкой?

– Сдашь ее мне.

– А-а, товарищ гвардии майор...

– Разговоры потом, – остановил его особист. – Сам вас вызову, когда будет нужно. Мы знаем, о чем здесь шел сейчас разговор, только троим. Если хоть одну сплетню услышу, то вы сами знаете, прапорщик, чем это может вам грозить. Вы свободны.

– Есть, – вытянулся прапорщик и выскочил из кабинета майора.

– И запомните, Федор Валентинович, – обратился особист к Кулибину, – это дело государственной важности. И второе, ничего неисполнимого нет, можно и в космос полететь, прыгнув вверх, – и наконец-то улыбнулся Кулибину.

Чай был крепким. Сделав несколько глотков, Федор посмотрел на блюдо с медом.

– Угощайся, он тебе сейчас особенно полезен, – сказал особист. – Когда придется тебе еще таких сладких витаминов попробовать.

Он снова посмотрел на часы, потом на будильник, стоявший посередине стола, потом на дверь.

– Все, Федор, он идет. Понимаю, операция тебя ждет опасная. И если решился, то рискуй и никогда никому не показывай своего испуга. И еще запомни: когда тот волновался, то всегда начинал чесать указательным и средним пальцами нижнее и верхнее веки, смотря человеку, стоящему перед ним, в глаза. Это твой главный ключик.

– Не понял...

Дверь отворилась, и в кабинет вошел незнакомый мужчина, одетый в выцветшую полевую форму.

– Знакомить вас друг с другом буду наполовину, – пряча улыбку, тихо сказал Федорцов. – Вы оба Федоры, и все, я вас оставляю, – поклонившись офицерам, он вышел из кабинета.

– Рад познакомиться с вами, – улыбнулся незнакомец и протянул Федору свою огромную ладонь. – Тем более мы тезки с вами, и Федорцов почти тоже. Для приличия я буду Ивановым.

– А я Кулибиным, – хотел было приподняться Федор, но собеседник, придавив его ладонь, показал, что не нужно этого делать.

– Разговор будет коротким и длинным. Звания моего вам знать не нужно, для вас я представитель армейской разведки, – мужчина встал, подошел к окну и, посмотрев в него, обернулся к старшему лейтенанту. – Федор Валентинович, вы хороший офицер, не раз проявили инициативу во время боевых действий, имеете несколько заслуженных боевых наград. Перед возвращением в Союз принято решение дать вам очень сложное задание, – незнакомец не сводил с Федора глаз.

– Если так нужно, то вопросов нет, – выровняв спину, сказал старший лейтенант. – Я готов.

– Отлично. И, думаю, с этим заданием вы справитесь. Насколько я знаю, семьей вы еще не обзавелись. Извините, с вашими документами я ознакомился поверхностно и это в скором времени исправлю.

– Какую задачу вы передо мной ставите? – Федор опустил глаза, рассматривая крышку стола.

– Опасную. Некоторое время придется работать в тылу противника.

– Я понял, – вздохнув, Федор посмотрел на своего тезку.

– Так надо. Времени у нас нет, Федор Валентинович. Складывается сложная ситуация, и если мы ее сможем повернуть в то русло, которое нам нужно, то меньше погибнет людей. – Достав из бокового кармана несколько черно-белых фотографий, новый знакомый положил их перед Федором. – Узнаете?

– Что-то и не помню, когда это меня и с кем сфотографировали! – с удивлением воскликнул Кулибин, рассматривая на фотографии людей, окруживших его у бронетранспортера. – Да и афганскую одежду я никогда не носил, а только вчера.

– А кого-то из окруживших вас людей знаете?

– Вот этого, – Федор показал пальцем на самого крайнего офицера, одетого в форму афганской милиции – Царандоя. – Наджибулла, он командир отряда Дех-Сабзской милиции, вроде бы.

– Нет, у него должность другая, но то, что это Наджибулла, вы не ошиблись. И тот человек не вы, а похожий на вас, но вы им станете завтра – Файзуллой Блэком.

Федор внимательно посмотрел на нового знакомого.

– Это командир небольшого отряда, собранного из русских, не живших в Советском Союзе. Они представители разных стран, плохо, но знают русский язык, сыновья бывших эмигрантов. Они недавно познакомились друг с другом.

Имя ваше Файзулла, оно тоже вымышленное, по их легенде, вы бывший командир батальона этой дивизии, капитан Сергей Иванов, якобы дезертировавший в январе прошлого года на операции, прошедшей в Хосте. Вы против коммунистов.

– Это правда, что ли?

– Прошу не перебивать меня, Файзулла. Ваш отряд находится под покровительством одной из партий, которая пытается следовать идеям лидера иранской революции – аятоллы Хомейни. Ее группировки находятся в различных регионах Афганистана. Но несмотря на то, что суннитское большинство афганцев относится к учению иранского пророка резко отрица-

тельно, но их поддерживают некоторые афганские антиреволюционные группировки Абдул Хака и Ахмад Шаха Масуда, потому что истоки их поддержки находятся в одних руках.

– Вы сразу даете очень много информации, – невольно высказался Федор.

– Успеете осмыслить всю эту информацию. Для этого у вас двенадцать часов. Завтра вы будете убиты на пагманской операции, все ваши сослуживцы попрощаются с вами здесь, в дивизии, на плацу. Ваше тело как «груз 200» будет отправлено самолетом домой, в тот город, в котором вы выросли, воспитываясь в детском доме. В тот же момент вы возродитесь как командир душманского отряда по имени... – и после этих слов армейский офицер замолчал и направил свой указательный палец на Федора, прося его продолжить.

– Файзулла Блэк, – сказал Федор.

– Правильно. Ваш отряд, в смысле, душманский, в неравном бою с шурави будет потрепан. То есть вам не дадут спокойно перейти из долины Чарикара в уезд Пагмана. Вы будете контужены, потеряете на какое-то время память. Но она со временем восстановится, вам помогут некоторые ваши подчиненные в отряде. Одного из них вы недавно сопровождали в ущелье Дех-Сабза.

– Армейского офицера Николая?

– Нет, это Фарид. Других вы не должны знать. Здесь список всех членов вашего отряда, прошедшего в Пакистане в провинции Пактия диверсионную подготовку. Вас готовили в другом лагере, находившемся в провинции Ку-Нар. Это вспомните нечаянно, когда вас познакомят с журналистами информагентства «Эйдженси Афган Пресс». Оно находится в Пакистане, и там, перед выходом в Афганистан, вы встречались с одним из журналистов радиостанции этого агентства. Вы будете давать им интервью как русский дезертир, который находился якобы в одном из отрядов перебежчиков в Панджшере. В этом интервью будете хвалить одного из полевых командиров Ахмад Шаха за то, что тот не убил вас в бою, а помог вылечиться после ранения и дал вам свободу выбора, где жить и чем заниматься.

Его фамилию вы не помните, пострадала память, но зато нечаянно вспомните одного из журналистов по имени Шабир или Ахтар. Это обязательно должно произойти перед тем, как они включат микрофон перед записью вашего интервью.

– Шабир или Ахтар.

– Да, я напоминаю, Федор, у вас была контузия, повлиявшая на вашу память, и поэтому вы можете их спутать. А как может быть по-другому? Вы ведь были знакомы с ними всего несколько часов, когда они брали у вас интервью. Понятно? Хорошо. Далее, радиостанция, в которой они работают, называется «Радио свободного Кабула».

– Понятно.

– У вас хорошая память? – спросил армейский разведчик, исподлобья глядя на Кулибина.

– В смысле? Там или вообще? Вообще-то не жалуюсь. В школе, когда учился, запоминал стихотворение после третьего прочтения.

– Теперь вам необходимо выучить этот текст...

Амнезия

Сколько ни готовишь себя к чему-то, но это чаще происходит не так, как рассчитываешь. Федор по-разному пытался представить себе бой, который должен был состояться в ущелье Пагмана, но его воображение все время обращалось к одной и той же схеме: засада душманов, обстрел ими колонны, атака его взвода и – обмен. Но этот ожидаемый бой не произошел ни в начале перевала, ни посередине, ни на выходе из ущелья. И, что самое интересное, он был единственным человеком из своего подразделения, кто ожидал этой схватки, и как нелегко ему было не показывать этого.

Солдаты, сидевшие рядом с ним на броне, шутили, смеялись, курили. Для них это был обычный рейд с отрядом Царандоя по правительственной дороге. Афганская милиция проверяла свои посты на разъездах, на дорогах в кишлаки, а советские солдаты – опорные пункты, в которых расположены их подразделения.

На разъезде царандоевцы, двигающиеся впереди колонны, остановились, наблюдая за караваном из двадцати верблюдов, движущихся по той стороне озера в сторону кишлака, расположенного за следующим перевалом. Федор, насколько позволял ему восьмикратный бинокль, рассматривал колонну с верблюдами, несшими на себе большие тюки. В принципе, он прекрасно понимал, что определить, везут они оружие или что-то другое, очень сложно. Хотя есть одна подсказочка, она заключается в том, как ведут себя сопровождавшие караван люди. По идущей с перевала пыли они должны заметить двигающуюся к ним колонну бронетехники. А если увидели, и у них есть что-то запрещенное, то караванщики должны как-то это спрятать – в камнях, в деревьях или готовиться к защите каравана. Обычно, если караван перевозит оружие, мины, снаряды, то посередине должны идти вооруженные люди, которые в любую секунду готовы вступить в бой.

Федор взял подозрную трубу, раздобытую им в одной из операций, кажется, в Дех-Сабзе, и навел ее на караван. Она была в несколько крат мощнее бинокля, и поэтому, приблизив до максимума к себе картинку с движущимся караваном, он начал изучать все интересующие его нюансы.

Первым, что успокаивало его, было то, что караван сопровождали всего шесть человек – двое из них шли впереди, один – посередине, остальные – сзади. Они о чем-то спокойно разговаривали, смеялись. Один держал в руках кусок арбуза, а может, и нет, но то, что предмет не похож на оружие, это точно.

Постарался присмотреться к ношам верблюдов. На первом, судя по очертаниям груза, спрятанного в мешковине, была, скорее всего, шерсть или материя. Нет, скорее всего это шерсть, потому что сами по себе мешки очень большие, а верблюд легко поднимает ноги, идет быстро, оставляя далеко позади себя остальных животных. И только благодаря своему погонщику, который постоянно сдерживает его ход, он идет в караване.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.